

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРАВА Л. И. ПЕТРАЖИЦКОГО В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ РОССИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Денильханов Асланбек Хаважович

- e-mail: aslanbekk@yandex.ru;
кандидат политических наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета; доцент Высшей школы бизнеса;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4,
Российская Федерация

Лунев Владимир Романович

- e-mail: lunevvl@mail.ru;
аспирант кафедры философии политики и права философского факультета;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4,
Российская Федерация

Для цитирования

Денильханов А. Х., Лунев В. Р. Психологическая концепция права Л. И. Петражицкого в политико-правовой мысли России (конец XIX – начало XX вв.) // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №2. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 24.02.2025
- Статья размещена на сайте 23.05.2025

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Идейные и социально-политические истоки психологической концепции права Л. И. Петражицкого](#)

[Основа психологической концепции права Л. И. Петражицкого](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Реконструировать психологическую концепцию права Л. И. Петражицкого, выявить её сущность и роль в политико-правовой мысли и общественно-политической жизни России рубежа XIX–XX вв.

Процедура и методы. Для достижения указанной цели в работе применён широкий спектр общенаучных методов и политологических подходов: диалектический, описательный, аксиологический, структурно-функциональный, анализа и синтеза.

Результаты. По итогам исследования сделан вывод, что Л. И. Петражицкий предложил оригинальную психологическую концепцию права, не вписывающуюся ни в одно из направлений политико-правовой мысли. Будучи сторонником идеи двойственной природы права (субъективного и объективного), он поставил в основу позитивного права право «интуитивное», введя тем самым в теорию права отдельный класс правовых эмоций (импульсий), основанных на внутренней мотивации человека.

Теоретическая и / или практическая значимость. Выявлен эвристический и теоретико-методологический потенциал психологической теории права Л. И. Петражицкого в части реактуализации проблемных сфер политико-правовой мысли России в конце XIX – начале XX вв.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Л. И. Петражицкий, дуализм права, естественное право, интуитивное право, позитивное право, социологический позитивизм, философия права, юридический позитивизм

ВВЕДЕНИЕ

Социально-политическая жизнь Российской империи рубежа XIX–XX вв. ознаменовалась событиями, которые оставили эпохальный след в истории страны. Главная стратегическая цель в этот период заключалась в необходимости преобразования её экономики и политической системы, что было обусловлено внутренними и внешними факторами. Одним из ключевых внутренних факторов явилось то, что начали обостряться противоречия между передовыми технологиями и архаичными социальными институтами (абсолютизма, сословного деления, общины, помещичьего землевладения и т. д.), про-

мышленным и аграрным секторами экономики [3; 6]. Внешний фактор был вызван тем, что в западноевропейских странах стал утверждаться капиталистический способ производства и либеральный режим. В научной мысли и публицистике шла напряжённая политическая борьба идей между различными политическими партиями за умы избирателей, принадлежащих разным классам и сословиям.

Абсолютистская форма правления, критика религиозной легитимации самодержавной власти и кризис традиционной сословной структуры российского общества привели к необходимости переоценки сущности права и его предназначения. Правоведы заговорили о кризисе права ввиду того, что господствовавшее позитивное право не соответствовало реальным запросам общества и являлось основой консервации прежнего уклада жизни. В теории права в России, как и во всей континентальной Европе исследуемого периода, в анализе сущности права наметилась тенденция к размежеванию. В этой связи российский социолог и правовед Н. С. Тимашев пишет о выделении двух основных течений – правового идеализма и правового позитивизма. Представители первого течения включали право в мир идей и усматривали его отражение в человеческих поступках (интерпретация «сверху»). Второе течение разделилось ещё на две ветви: 1) представителей социологического позитивизма, где право вписывалось в пространство социальных явлений (интерпретация «извне»), и 2) представителей «правового позитивизма в узком смысле», где право представлялось как «самодостаточная система норм» (интерпретация «изнутри») [9, с. 909].

Часть общества, настроенная на радикальные перемены (революционные преобразования), за право воспринимала саму борьбу, позицию силы, опасную в своей сущности, ограниченную конъюнктурой в области принятия решений и искушением использования властных полномочий как ресурсной базы для узких групп власть имущих. Это стало источником разрушительных теоретических парадигм, рассматривавших в качестве локомотива истории и права конфликт. Технология взрывных изменений ослабляла внимание к качеству порождаемых ею социально-правовых проектов. В немецкой правовой традиции, например, возобладала теория права как «борьбы индивидуальных интересов». В такой ситуации неслучайной и не натянутой в качестве лицевого полотна виделась харак-

теризующая этот период вывеска «новое Средневековье», что порождало явления правового нигилизма, ослабления роли парламентаризма в качестве демократического установления, бюрократической экспансии и роста манипулирования правом и правосознанием. Актуализировался вопрос о соотношении права и морали, поскольку право в большей степени служило инструментом в руках господствующей верховной власти или политической элиты без его ценностной основы. По мнению российского исследователя исторической и социально-политической мысли А. Н. Медушевского, «новая "генеалогия морали" не только отрицала непреходящий характер традиционных моральных ценностей, но и усматривала в них проявление слабости. Различные волюнтаристские теории права от Маркса до Ницше при всём различии их содержания сходились в отрицании за правом какой-либо нравственной составляющей, видели в его предписаниях исключительно выражение силы – классового, национального доминирования, воли государства, партии или вождя» [4, с. 191].

В этой палитре взглядов о роли, сущности и предназначении права одно из центральных мест занимает научная и общественно-политическая деятельность Льва Иосифовича Петражицкого (1867–1931) – российского и польского юриста и философа, депутата первой Государственной Думы, одного из основателей психологической школы права. Фигура этого выдающегося учёного и общественного деятеля, по мнению профессора права Лондонского университета Р. Коттеррелла, несмотря на широкий вклад в развитие философии права и юриспруденции, оставалась недостаточно изученной, а его идеи всё ещё не получили должного международного признания вплоть до сегодняшних дней [14, р. 3]. Основные взгляды Петражицкого заключались в своеобразном соединении неокантианской философии, этики, права и психологии, хотя сам он не относил себя ни к одному из философских и правовых течений. «В отличие от существовавших направлений философии и теории права, Петражицкий разработал оригинальную модель воздействия права на поведение индивидов путём механизмов, связанных с психологией и этикой» [4, с. 191]. Перед ним стояла задача поиска новых оснований философии права и построения независимой научной парадигмы в политико-правовой сфере.

Целью настоящего исследования выступают реконструкция концепции Л. И. Петражицкого, выявление её сущности и места в политико-правовой мысли и общественно-политической жизни России рубежа XIX–XX вв.

Для достижения указанной цели в работе применён широкий спектр общенаучных методов и политологических подходов: диалектический, описательный, аксиологический, структурно-функциональный, анализа и синтеза.

ИДЕЙНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВА Л. И. ПЕТРАЖИЦКОГО

Противопоставление в научной мысли России двух начал права – позитивного и субъективного – привело к дуализму в его понимании с позиции одного из основных законов диалектики – единства и борьбы противоположностей [2; 5]. Российские либералы, к числу которых принадлежали такие видные представители, как П. И. Новгородцев, Н. И. Кареев, Б. А. Кистяковский, С. И. Гессен, М. М. Ковалевский, П. Н. Милюков, С. А. Муромцев и др., ратовали за права и свободы отдельно взятой личности во взаимоотношениях с государством с позиции естественно-правовой идеологии, образовав при этом целую школу «возрождённого естественного права». К их числу принадлежал и Петражицкий, который наряду с представителями данной школы провозглашал «право на достойное человеческое существование». Возрождение естественного права было своего рода попыткой сторонников либеральной мысли в России определить сущность права, его нравственное начало и преодолеть правовой нигилизм в обществе.

Контекст образовавшегося правового дуализма в Российском государстве, выраженный в противоречивом сосуществовании европейского «позитивного» гражданского права с обычным («интуитивным») правом крестьянства, задавал проблемное поле Петражицкому для преодоления правового неравенства населения и разработки новых идей по кодификации права. Между ними, по мнению учёного, необходим баланс, т. к. в противном случае это ведёт к кризису правовой системы и, как следствие, к социальной революции. Под интуитивным правом Петражицкий понимал субъективное право, основанное на переживаниях, внутренней мотивации челове-

ка, его правосознании, через понятие «справедливость». Его активную проработку он ставил в приоритет в исследовании философии права и будущих изменениях в законодательстве. Субъективный фактор в правопонимании был для него определяющим, поэтому он ратовал за возрождение естественного права с его нравственной природой. Этому должна была способствовать особая политика права, ориентированная на воспитание народного правосознания и правовую культуру. Учёный считал «главным и единственным принципом классификации правовых явлений отождествление права и психики (причём как коллективной, так и индивидуальной) ... Данная трактовка представляла право понятием более широким, чем даже нравственность, а потому оно (право) превращалось в своего рода политическую идеологию (своего рода панъюрисдизм)» [4, с. 192]. Задача политика права, по мысли Петражицкого, заключается в «...совершенствовании человеческой психики, в очищении её от злостных, антисоциальных склонностей, насаждении и укреплении противоположных склонностей»¹. Другими словами, нормы права формируются путём инстинктивного неприятия противоправных поступков человека и рафинирования симпатии к правомерному поведению путём длительного массового спонтанного опыта. Роль законодателя в этом случае второстепенна. Важный вывод здесь заключается в том, что, если право рассматривать как свод правил поведения без ценностного отношения к нему, оно превращается всего лишь в инструмент в руках правящей элиты любого сообщества, даже преступного, в котором тоже установлены неписанные правила и жёсткие «санкции» за их нарушение. В масштабах государственного управления посредством права, лишённого нравственной основы, можно установить легитимный тоталитарный режим.

В качестве руководящих базовых постулатов с абсолютной, универсальной значимостью вне зависимости от места и нации Петражицкий усматривал систематику и положения римского права, применимость которого обеспечивалась через выстраивание структуры децентрализованной экономики, основанной на частной собственности. Он предлагал учитывать опыт его неудачных заимствований и трансформаций в рационалистических естественно-правовых кодификациях, апел-

¹ Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности: основы эмоциональной психологии. 3-е изд. СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлих, 1908. С. 3.

лирую к субъективному фактору. Признавая универсальность норм римского права, учёный отмечал, что его дополнение и развитие исторически осуществлялось не на рационалистических основаниях, а на базе «бессознательной, инстинктивной народной мудрости, как естественного продукта массового опыта»². В области не только позитивного права, но и «интуитивно-правовой психики» западноевропейских народов рецепция римского права, по его мнению, повлекла прогрессивные изменения, сравнимые по масштабу с переворотом народной психики после принятия Манифеста об отмене крепостного права в России³. Однако различные почвы для приложения прогрессивных реформ производят различные эффекты. В опыте российского гражданского реформирования успешное инкорпорирование универсальных принципов гражданского права существенно ограничивалось «теоретическими недоразумениями» обычного права, где, по существу, отстаивалась жёсткая форма эксплуатации, лишаящая возможности поддержки экономически слабых групп. Поэтому освобождение крестьян в условиях «отсутствия позитивного нормирования» оказало «отрицательное влияние на развитие хозяйственного благосостояния ... сознания и уважения чужих и своих прав и обязанностей»⁴. Прогрессивный октроированный акт просвещённого законодательства («Манифест об отмене крепостного права»), опережающий народные представления о справедливости, вызвал противоречивую реакцию: для значительной доли крестьян с рабски-господским интуитивным правом оно было немыслимо, противоречило прежним программам, обычаям, что способствовало даже добровольному отказу от личной свободы; но и те, кто смог достаточно быстро проникнуться новыми интуитивно-правовыми убеждениями, уже не представляли и не желали обратную реформу, возврат к прежнему положению⁵.

В практической деятельности Петражицкого, как и во всей истории российского либерализма, значительное место зани-

² Петражицкий Л. И. Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права (Bona Fides в гражданском праве). СПб.: Изд-во Университета, 1902. С. 194.

³ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Типография Санкт-Петербургского акционерного общества печатного и писчебумажного дела в России «Слово», 2000. С. 400–401.

⁴ Там же. С. 452.

⁵ Там же. С. 400–401.

мает начало издания первой русской газеты под названием «Право» (1898), посвящённой борьбе за развитие правовой культуры в царской России. Её инициаторами и создателями стали Н. И. Лазаревский, И. В. Гессен, ставший впоследствии её главным редактором, В. М. Гессен (двоюродный брат И. В. Гессена) и А. И. Каминка. Петражицкого пригласили туда в качестве идейного вдохновителя, выдвигаемые постулаты которого закладывались в содержание передовых статей издания, а в качестве редактора были заложены два основных вектора: 1) объективизм как тезис против тенденции свободной интерпретации права (ведущей к правому нигилизму и следованию лишь «букве закона»); 2) борьба за правовые реформы как продвижение идеи о научной политике права [1, с. 269–270]. Публичное выражение издателями «Права» критики государственного устройства как противоречащего принципам правопорядка, уже в 1904 г. открыло возможность притяжения к нему либерально мыслящих интеллигентов и в значительной мере повлияло на создание впоследствии политического сообщества – Конституционно-демократической партии (кадетов). Петражицкий, имевший большой авторитет в академическом сообществе, таким образом вовлекался в общественно-политическую сферу в качестве одного из идейных лидеров и вдохновителей либеральной интеллигенции. Вклад учёного-практика, одного из столпов российского либерализма, безусловно, намечал на тот период более широкие задачи: повышение уровня правовой культуры и преобразование России в правовое государство.

Петражицкий пытался выйти за пределы одной лишь интерпретации существующих законов, его программа состояла в создании науки, подготавливающей в перспективе введение необходимых перемен в законодательстве и, как следствие, в общественной жизни. В продвижении в этом проблемном поле он не видел никаких оснований ни в практицизме, пренебрегавшем истиной и логикой, ни в позитивизме, отождествлявшем юридическую догматику с правом. Исследовательская интуиция выводила его на путь возрождения дискредитированного позитивистами естественного права, сосредоточенного на проблеме разработки «начал желательного, рационального права и законодательства»⁶. Положение правовой психики (правосо-

⁶ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Типография Санкт-Петербургского акционерного общества печатного и писчебумажного дела в России «Слово», 2000. С. 379.

знания) русского народа на исходе XIX в., по его мысли, характеризовалось отсутствием настоящего уважения к принципу легальности и праву вообще. Теоретически обоснованно понимая коренные причины исходных процессов, Петражицкий предлагал ряд необходимых мер и обоснований для прогресса русской юриспруденции: проработку фундамента юридической логики; терапевтический, гигиенический и воспитательный уход за народной психологией; доброкачественность законов, их редакцию и достаточную полноту юридической нормировки; хранение и осуществление юристами легального принципа вместо перетолковывания и обхода действующих законов для практических целей⁷. В этой связи он видел особенно опасным возможность проникновения в Россию идей немецкого правоведа, основоположника «юриспруденции интересов» Р. Иеринга⁸. Это направление «модных рецептов» права «практических интересов» Петражицкий ставил ниже, чем «историческую школу права», и во многом соглашался с обоснованием неутилитарного и, по большей части, стихийно-эволюционного подхода представителей этой школы – Ф. К. Савиньи и Г. Ф. Пухты, О. Гирке – в рассмотрении процессов изменения коллективного правосознания. Существенным пунктом согласия во многом служило необходимое ограничение произвольных изменений в законодательстве. Он высоко оценивал вклад представителей исторической школы в доказательство независимого положения обычного права по отношению к закону, а теоретический вклад О. Гирке как «революцию в понимании значения и ценности обычного права» в период господства юспозитивизма⁹. Вместе с тем спиритуалистические теоретические обоснования наличия права в «народном правоубеждении»¹⁰ и догматичный поиск «образца настоящего в прошлом», по его мысли, могли послужить не извлечению уроков прошлого для продвижения вперёд, а, «напротив, косности и неподвижности ... тенденции сохранять неизменно подлежащую рутину и старину»¹¹.

⁷ Петражицкий Л. И. Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права (Bona Fides в гражданском праве). СПб.: Изд-во Университета, 1902. С. 423–435.

⁸ Петражицкий Л. И. К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1913. С. 6–8.

⁹ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Типография Санкт-Петербургского акционерного общества печатного и писчебумажного дела в России «Слово», 2000. С. 445–446.

¹⁰ Там же. С. 436.

¹¹ Там же. С. 447.

Во многом определяющим ракурсом рассмотрения общественных процессов и реализации права, «основой правопорядка» и «рычагом социально-правовой жизни» для Петражицкого служила интуитивная сторона права как индивидуализированного психического переживания, сопряжённого с понятием «справедливость», по своей природе автономного, разнородного и адаптивного, в отличие от гетерономного позитивного права, чьё содержание определяется содержанием нормативных фактов. В России, по его мнению, интуитивное право традиционно пользовалось «по закону ... исключительно широкой сферой официального права»¹². Вытеснению и задержке развития основного позитивного права способствовали существование разросшегося и гипертрофированного института «правовой экспертизы», значительная роль обычного права, а также чрезмерное содержание в русском писаном праве отсылок к субъективным факторам (совести, доброй воле) для принятия во внимание судей. Кроме того, влияние названных факторов осложнялось особенностями соединения в едином государстве множества народностей и национальных общностей, находящихся на различных ступенях культурного и правового развития. В этих условиях процесс позитивного нормирования законодательной и судебной деятельности обретал существенные противоречия и сложности, которые ограничивали необходимую унификацию правоотношений и организацию правопорядка, а интуитивно-правовая психика преобладающей части народонаселения за счёт укоренённости архаичных представлений задерживалась в своём развитии. При этом Петражицкий выражал серьёзные опасения относительно позитивного нормирования, значительно опережающего господствующие в народной психике интуитивные правовые представления о справедливости, при соответствующей конфигурации способного нарушить эволюционные представления и спровоцировать непрогнозируемые последствия.

Диагностированный разрыв интуитивного права законодателей (создателей позитивного права) и широких народных масс крестьянства, осложнённый культурным и правовым разнообразием, послужил для Петражицкого подтверждением теоретически обозначенной необходимости взаимоукрепле-

¹² Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Типография Санкт-Петербургского акционерного общества печатного и писчебумажного дела в России «Слово», 2000. С. 491.

ния интуитивной и позитивной правовых психик, переход разногласий которых за известные пределы представляет угрозу социально-политическому и экономическому строю России в виде социальной революции¹³. По мнению А. Н. Медушевского, «конфликт интуитивного и позитивного права как центральная исследовательская проблема определял преимущественное внимание Петражицкого именно к тем параметрам формирования гражданского общества, где данное противоречие двух видов права достигало наибольшей остроты» [4, с. 193]. Будучи депутатом первой Государственной Думы, Петражицкий продвигал идею обеспечения общегражданского равноправия, новые варианты проведения аграрной реформы, изменения в уголовном праве и судебной системе. В частности, в вопросе внедрения аграрной реформы он, вопреки общей позиции большинства депутатов, видел возможность достижения позитивного эффекта лишь в принятии децентрализованного законодательного решения (с учётом специфических параметров отношений «индивидуальных прав» на собственность, пересмотра «потребительской нормы», «принципа отчуждаемости», риска арендных соглашений и «интенсивности» региональных хозяйств), но при условии обеспечения государственного контроля толкований местных учреждений¹⁴.

ОСНОВА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВА Л. И. ПЕТРАЖИЦКОГО

Назревшие проблемы развития права в России на рубеже XIX–XX вв. как на практическом (недоработки в законотворческой деятельности, конъюнктурность юриспруденции, усиление тенденции правового нигилизма), так и на теоретическом (сохранение влияния позитивистских догм, теоретический подъём «юриспруденции интересов») уровнях подталкивают Петражицкого к поиску принципиально нового – психологического обоснования права на фундаменте возрождения естественно-правовых идеалов. В своей психологической концепции он выводит право из привычных установок как явле-

¹³ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Типография Санкт-Петербургского акционерного общества печатного и писчебумажного дела в России «Слово», 2000. С. 392.

¹⁴ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии, 1905–1920 гг.: в 3 т. Т. 1. М.: РОССПЭН, 1997. С. 304–306.

ния реальности внешней по отношению к человеку в область «очеловеченной» реальности, реальности внутреннего опыта [7, с. 146], совершая тем самым радикальный выход за рамки классической теории права и предлагая оригинальный проект, не вписывающийся ни в одно из предшествовавших и современных ему направлений философии права.

В логико-методологической части основного труда «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» Петражицкий на основе введённой им самой классификации «высшего деления наук вообще» и «юридических наук в частности» задаёт исходное синтезированное определение базовых научных дисциплин: (1) общее – «философия есть ... высшая теория (теория сущего вообще) + высшая телеология...»; (2) специальное – «философия права есть ... высшая теория права + высшая телеология, высшая политика права»¹⁵. Исходя из такого подхода, он настаивает на необходимости отказа от догматического использования юспозитивистами «протоколирования фактов», перенесённого из области конкретных, описательных наук, доказывает логическую невозможность построения теории на основе индуктивных обобщений наблюдаемых фактов [11, с. 118–119].

Для того чтобы охватить идею права в её сущности, Петражицкий выдвигает гипотезу о том, что фокус поиска нормативных фактов следует настроить именно во внутреннем опыте, что можно достигнуть познания права (как особого класса психических явлений) средствами самонаблюдения, и предлагает идею о необходимости «введения психологических посылок и психологической дедукции как основного метода (с опытно-индуктивной проверкой в качестве дополнительного метода)»¹⁶. Так Петражицкий приходит к психологизму, породённому с феноменологией, что роднит его с Ф. Brentano (учителем Э. Гуссерля), создателем независимой антинатуралистической теории «дескриптивной психологии». В этой связи историк польской и русской философии А. Валицкий констатирует, что Ф. Brentano в своё время выявил независимую роль импульсных аффективно-волевых процессов в жизни человека, Петражицкий – разработал теорию импульсов [1, с. 288–289].

¹⁵ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Типография Санкт-Петербургского акционерного общества печатного и писчебумажного дела в России «Слово», 2000. С. 509.

¹⁶ Петражицкий Л. И. К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1913. С. 9–10.

Таким образом, психология была поставлена Петражицким в качестве необходимого основания как философии, так и науки в целом. Критерием истины в таком случае становилась самоочевидность для субъекта (впоследствии этот момент станет краеугольным камнем для критики его идей сторонниками метафизического проекта естественного права). Как отмечает современный правовед, профессор Санкт-Петербургского государственного университета Е. В. Тимошина, выделенный критерий истины вполне мог строиться на принятии Петражицким концепции Э. Гуссерля об «идеирующей абстракции» в противовес «эмпирической теории абстрагирования». Открытие такой точки зрения, по её мнению, позволяет в текущих условиях выдвигать корректное суждение о том, что в рамках выбранной эпистемологической позиции отсутствие предметной отнесённости не лишает смысла данные суждения относительно критерия истины и, кроме того, выводит её (данную позицию) за рамки «суда» классической корреспондентской истины, поскольку зиждется уже на основаниях когерентной теории истины [12, с. 30–31]. В рамках такого подхода право, как и правовая реальность, обретают конституированный характер самодовлеющей нормативно-ценностной мотивации.

На основе заданных начертаний Петражицкий ещё в рамках раннего труда «Очерки философии права» задаёт собственное полноценное теоретическое обоснование ответа на вопрос: «Что такое право?» В нём речь идёт об объёме и содержании (существенных признаках правовых явлений) понятия права, в решении которых открывается возможность научного объяснения и классификации права как «стройной диалектической системы положений и понятий, определяемой в свою очередь отношением их к основному понятию и принципу»¹⁷. Существо права учёный предлагает трактовать как психическое явление, природу которого мы можем исследовать посредством прямого наблюдения за собственными душевными состояниями и косвенного анализа внутренних состояний других людей посредством внешнего наблюдения за их поведением. В этой связи он умозаключает: «*jus mihi inest, ergo sum*: я сознаю в себе право (правовые психические акты), стало быть, — я существую»¹⁸, — по аналогии с декартовским постулатом

¹⁷ Петражицкий Л. И. Очерки философии права. СПб.: Типография Ю. Н. Эрлих, 1900. С. 3.

¹⁸ Там же. С. 10.

«cogito ergo sum» – если я мыслю, то я (следовательно) существую (заметим, Р. Декарт считал это состояние первоначальной интуицией, аксиомой).

Внутреннее предписание, по мысли Петражицкого, нормирует поведение человека, его «связанность по отношению к другим» и указывает на наши обязанности и права: предоставление авторитетной нормы того, к чему один человек обязан, а другой вправе получить от первого¹⁹. Как следствие из этого, право необходимо исследовать во внутреннем опыте человека, рассматривая прежнюю внешнюю конфигурацию права лишь как проекцию эмоциональных переживаний. Это давало ему основание считать феномен права (в оппозиции позитивистскому отождествлению права с правопорядком) определённым состоянием рассудка, не требующим существования института, издающего приказы и подкрепляющего их силой, что для появления ощущения законных прав и обязанностей необязательно реальное существование «другого» (в первую очередь государства) [14, р. 3–4]. За данный тезис учёный подвергался жёсткой критике, особенно марксистского толка. Однако при этом необходимо учитывать, что сами «реальные явления» Петражицкий разделял на классы психических и физических явлений, которые существуют независимо от ума. Данное деление отражало мысль о феноменологическом подходе к рассмотрению мира как психической проекции, реакции на потребности человеческого состояния, вписывающейся в ценностные и нормативные рамки личности. Эта позиция частично сближала учёного со сторонниками неокантианства. Е. Н. Трубецкой, в частности, поддержал его мысль о том, что, скорее, право предопределяет создание государства, а обратная детерминация (права государством) в таком случае будет лишь логической ошибкой (в оппозицию юспозитивизму). Вместе с тем он подверг критике обращение Петражицкого к эмпирической психологии и видел поиск норм в сфере фактов как источник ошибок [13, с. 493–495].

Безусловно, Петражицкий осознавал слабость эмпирической психологии, но видел собственный вариант приведения этой «хромающей» теории в научно-адекватный вид для психически-правового обоснования бескорыстных мотивов поведения человека. В теорию права он предложил ввести отдельный

¹⁹ Петражицкий Л. И. Очерки философии права. СПб.: Типография Ю. Н. Эрлих, 1900. С. 11–18.

класс правовых эмоций (импульсий), свободных от гедонистических, телеологических и утилитарных мотивов, основанных на иных видах мотивации. Их он выделил три: 1) основная мотивация (отсылка к идее прошлого, «потому что»); 2) объектная мотивация (восприятие предметов); 3) самодовлеющая (независимая) мотивация (образы поступков как возбуждение апульсивных или репульсивных эмоций). Третья – самая важная, поскольку позволяет вводить «акционные представления», которые можно называть нормативными суждениями, а их содержание – принципиальными правилами поведения и нормами²⁰.

В построении эмоциональной теории Петражицкий проводит дихотомию эстетических и этических явлений. Высшим классом нормативных эмоционально-интеллектуальных сочетаний (сознания долга) в этом случае выступает этика, разветвляющаяся на нравственность и право: нравственным нормам придаётся чисто императивный характер, а правовым – императивно-атрибутивный (обязательно-притязательный). Кроме того, учёный сформулировал полный «интеллектуальный состав права»: (1) «объектные представления (объекты обязанностей и прав)»; (2) «субъектные представления (субъекты обязанностей и прав)»; (3) «представления релевантных, юридических фактов»; (4) «представления нормативных фактов»²¹. Таким образом, импульсии, с его точки зрения, играли для человека роль главных психических факторов приспособления к условиям жизни, остальные элементы выполняли служебные функции²².

В академической среде современников сложно выделить единую конструктивную позицию по поводу «теории импульсий». Однако стоит отметить, что один из последователей Петражицкого А. Валицкий оценивал данную теорию неоднозначно, критиковал за слабость построения, тяжёлый язык, но признавал, что в ней лежат основания проекта будущей социологии права, в рамках которой возможно более широкое исследование «поведения человека в категориях адаптации и культурного отбора» [1, с. 294–295].

²⁰ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Типография Санкт-Петербургского акционерного общества печатного и писчебумажного дела в России «Слово», 2000. С. 33–36.

²¹ Там же. С. 78–79.

²² Там же. С. 23.

В последующих теоретических суждениях Петражицкий концептуализирует проблему генезиса права в ракурсе более глубокого социологического объяснения и признаёт собственную теорию права как теорию императивно-атрибутивных эмоций, в выделенном смысле удобную для приложения теорий дарвинизма и экономического материализма. В первом случае право может представляться сходным со свойствами психофизического организма, происхождение и развитие которых вписывается в рамки дарвинистской теории. Во втором – оно может объясняться как психический коррелят, содержание которого как функция исторически изменяется в соответствии с социальной материей. Недостаточность согласования общих положений выделенных социологических теорий применительно к теории развития права учёный предлагает восполнить путём исследований специфической природы права, в особенности его мотивационного и педагогического действия. В аспекте рассмотрения выделенных действий, по его мысли, мы можем приблизиться к пониманию развития права, обратив внимание на тенденцию взаимного влияния права (как фактора) «на развитие человеческой психики, ... приспособления его к социальной жизни» и приспособления права (уже как продукта) к сообразным изменениям народной психики²³. Такая исследовательская оптика позволяет отследить, как взаимное приспособление правовой мотивации и педагогики к состоянию народной психики направляет индивидуальное и массовое поведение в сторону общего блага, изменяя и совершенствуя при этом и само право. В связи с этим он выделяет универсальные тенденции прогресса в любом относительно однородном обществе: (1) тенденция к смене стимулов (например, социализация производства и сознательная работа на общую пользу); (2) тенденция к уменьшению мотивационного давления (возможность гуманизации, смягчения наказаний, уменьшения вознаграждений); (3) тенденция возрастающих требований социально-разумного поведения²⁴.

В рамках построения будущей науки социологии права и продолжения исследования специфической природы права Петражицкий усматривал возможность расширить частично ценную дарвинистскую трактовку бессознательной адапта-

²³ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Типография Санкт-Петербургского акционерного общества печатного и писчебумажного дела в России «Слово», 2000. С. 595.

²⁴ Там же. С. 596.

ции до приспособления социально-психического характера. Ключ к обоснованию такой позиции он находит в психическом общении как интеллектуально-эмоциональном явлении «психического взаимозаражения». Несмотря на явную натуралистическую основу двух первых видов «социальной адаптации» и даже приложение положений дарвинизма, в разработке оснований «эмоционального подбора» в идейном поле Петражицкий отчасти сближается с воззрениями о необходимости «права на достойное человеческое существование» В. С. Соловьёва и П. И. Новгородцева. Выход в сферу исследований специфической природы права открывал ему возможность своеобразного «переходного моста» для более целостного обоснования проблематики правовой мотивации и педагогического воздействия на целенаправленное формирование этических ценностей (права и нравственности) к возможной (но не гарантированной) будущей цели совершенной социализации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Насущные проблемы социально-экономического и политического порядка в Российской империи исследуемого периода требовали выявления латентных, не видимых при первом приближении, задач. В этих условиях в философско-правовой и политической мысли предпринимались попытки совершенствовать и гармонизировать субъектно-объектные отношения в рамках социально-политических процессов, происходящих в стране. Однако господство позитивистских настроений, «юриспруденции интересов» препятствовало этим попыткам ввиду следования косной догматике, жёсткого разграничения возможных сфер трактовки норм права и правоприменительной практики.

Идеалистическое рассмотрение права, в свою очередь, одухотворённое построением метафизического проекта на основаниях прежней классической науки, находилось на пути либерального поиска сочетания максимум «должного» и «сущего» в праве. В этой связи радикальный натуралистический проект «очеловеченного» права (как психического явления) Петражицкого не вписывался: (1) ни в конъюнктурные догматические настроения – право выходило за рамки позитивного нормативного акта, а действующая юриспруденция, в задачах учёного, вместо привычного узкого толкования и решения

практических целей направлялась к масштабной проработке фундамента юридической логики, ревизии существующих законов и воспитательному уходу за народной психологией; (2) ни в основания классической науки – ряд научных теорий подвергался им критике по логико-методологическим основаниям, а его собственный проект построения права на базе «эмпирической психологии» был критически встречен как идеалистами, так и материалистами.

Между тем в методологической и социально-правовой областях новый взгляд открывает перспективы для более взвешенного анализа и получения ранее не выявленного эвристического потенциала теории права Петражицкого. Так, ввиду возможности понимания конституированной природы самодовлеющей нормативно-ценностной мотивации права Петражицкого в рамках феноменологического подхода критика с эпистемологических позиций классических теорий (принимавших корреспондентскую теорию истины) становится несостоятельной, поскольку в таком случае право рассматривается на основаниях когерентной теории истины. В выводах новых исследований, посвящённых концептуализации права как «факта», «вещи» в юснатурализме и позитивизме, адекватность и эффективность классической корреспондентской теории истины и вовсе проблематизируются «невозможностью соотношения понятий теории права с какой-либо трансцендентной по отношению к сознанию человека ... реальностью» [10, с. 75].

В свою очередь, в социально-правовой области «человекоориентированная» артикуляция права как действенной двусторонней эмоции вместо прежних ориентиров на нравственность (как императив, не обладающий свойством атрибуции) направляла Петражицкого на поиск обоснования бескорыстных мотивов поведения человека и возможности социального прогресса. Ценным достижением его учения в связи с этим следует признать исследование мотивационного и педагогического действия права, направлявшего развитие народной психики и вместе с ней совершенствующегося в результате «психического взаимозаражения». Открытие данной специфической природы права позволяет сегодня рассматривать его в основе многофакторного процесса социально-экономического и политического развития общества, социализации в категориях «мотивов поступков людей, не детерминируемых телеологически, а лишь признаваемых в бесконечном многообразии и взаимо-

действию» [8, с. 126]. Более того, «действенная» природа права Петражицкого, не без критики за монистический характер, признаётся продуктивной, дополняется и применяется в новейших исследованиях в рамках «плюралистического видения права как коммуникативного феномена» [15, р. 381].

Во многом идеализированная, критикуемая психологическая концепция права Петражицкого с течением времени не теряет своей оригинальности. Академическое и политико-правовое сообщество обращает её в актуальную повестку при совершенствовании действующего, по выражению учёного, «глиняного» права как «священного храма правового и культурного государства» и при подготовке силами правовой политики действительно «золотого» права²⁵.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валицкий А. Философия права русского либерализма. М.: Мысль, 2012. 567 с.
2. Денильханов А. Х. Дуализм права как основа общественного идеала в мировоззрении русских мыслителей (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2012. №3. С. 103–113.
3. Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский рынок XVIII – начала XX века. М.: Наука, 1974. 398 с.
4. Медушевский А. Н. Л. И. Петражицкий и кризис права начала XX века // Persona Grata. 2006. №3. С. 191–198.
5. Медушевский А. Н. Правовой дуализм в России и попытка его преодоления // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. №1. С. 183–194.
6. Миронов Б. Н. Внутренний рынок в России. Вторая половина XVIII – первая половина XIX века. Л.: Наука, 1981. 259 с.
7. Поляков А. В. Психологическая теория права Л. Петражицкого в свете коммуникативного подхода // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016. №5. С. 144–155.
8. Савенков А. Н., Горбань В. С. Л. И. Петражицкий как социолог права // Социологические исследования. 2019. №3. С. 118–128.
9. Тимашев Н. С. Предисловие [к книге Petrazycki L. Law and Morality. Cambridge, 1955] // Петражицкий Л. И. Теория и политика

²⁵ Петражицкий Л. И. Права добросовестного владельца на доходы с точки зрения догмы и политики гражданского права (Vona Fides в гражданском праве). СПб.: Изд-во Университета, 1902. С. 434–435.

права: избранные труды / науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб.: Юридическая книга, 2010. С. 908–926.

10. Тимошина Е. В. Право как «фикция» и как «факт»: о номинализме и реализме в теории права // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. №4. С. 48–75.
11. Тимошина Е. В. Социология как «строгая наука»: незавершенный проект Л. И. Петражицкого // Социологические исследования. 2019. №12. С. 115–125.
12. Тимошина Е. В. Теория и социология права Л. И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2013. 44 с.
13. Трубецкой Е. Н. Труды по философии права. СПб.: РХГИ, 2001. 543 с.
14. Cotterrell R. Leon Petrazycki and contemporary socio-legal studies // International Journal of Law in Context. 2015. Vol. 11. №1. P. 1–16.
15. Polyakov A. V., Antonov M. Leon Petrazycki's Legal Theory and Contemporary Problems of Law // Standing Tall. Hommages a Csaba Varga / ed. B. Melkevik. Budapest: Pazmany Press, 2012. P. 371–381.

ARTICLE INFORMATION

Authors

Aslanbek K. Denilkhanov

- e-mail: aslanbekk@yandex.ru,
Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof.,
Department of Philosophy of Political Science and Law,
Faculty of Philosophy,
Lomonosov MSU Business School,
Lomonosov Moscow State University,
Lomonosovskii pr-t 27/4, Moscow 119991, Russian Federation

Vladimir R. Lunev

- e-mail: lunevvl@mail.ru,
Postgraduate student, Department of Philosophy of Politics and Law,
Faculty of Philosophy,
Lomonosov Moscow State University,
Lomonosovskii pr-t 27/4, Moscow 119991, Russian Federation

For citation

Denilkhanov A. K., Lunev V. R. Psychological concept of law of L. I. Petrazhysky in the political and legal thought of Russia (the end of the 19th – beginning of the 20th centuries). In: Russian Social and Humanitarian Journal, 2025, no. 2.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To reconstruct the psychological concept of law by L.I. Petrazhitsky, to reveal its essence and role in political and legal thought and socio-political life of Russia at the turn of the XIX – XX centuries.

Methodology. To achieve this goal, the work uses a wide range of general scientific methods and political science approaches: dialectical, descriptive, axiological, structural and functional, analysis and synthesis.

Results. Based on the results of the study, it was concluded that L.I. Petrazhitsky proposed a unique psychological concept of law that does not fit into any of the directions of the philosophy of law. Being a proponent of the idea of the dual nature of law (subjective and objective), he put “intuitive” law as the basis of positive law, thereby introducing into the theory of law a separate class of

legal emotions (impulses) based on the inner motivation of a person.

Research implications. The theoretical and/or practical significance of the research lies in identifying the heuristic, theoretical and methodological potential of L.I. Petrazhitzky's psychological theory of law, in particular, the actualization of problematic areas of political and legal thought in Russia in the late 19th and early 20th centuries.

Keywords

L. I. Petrazhitzky, dualism of law, natural law, intuitive law, positive law, sociological positivism, philosophy of law, legal positivism

References

1. Valitsky, A. (2012). *Philosophy of Law of Russian Liberalism*. Moscow: Mysl Publ. (in Russ.).
2. Denilkhanov, A. Kh. (2012). [Dualism of the law as a base of public ideal in Russian thinkers' world-view (the end of XIX century – the beginning of XX century)]. In: *Moscow University Bulletin. Series 7: Philosophy*, 3, 103–113 (in Russ.).
3. Kovalchenko, I. D. & Milov, L. V. (1974). *The All-Russian market of the XVIII – early twentieth century*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.).
4. Medushevsky, A. N. (2006). L. I. Petrazhitzky and the crisis of law of the early twentieth century. In: *Persona Grata*, 3, 191–198 (in Russ.).
5. Medushevsky, A. N. (2005). Legal dualism in Russia and an attempt to overcome it. In: *Comparative Constitutional Review*, 1, 183–194 (in Russ.).
6. Mironov, B. N. (1981). *The domestic market in Russia. The second half of the XVIII – the first half of the XIX century*. Leningrad: Nauka Publ. (in Russ.).
7. Polyakov, A. V. (2016). Psychological theory of law by Leo Petrazhitzky in the light of the communicative approach. In: *News of higher educational institutions. Jurisprudence*, 5, 144–155 (in Russ.).
8. Savenkov, A. N. & Gorban, V. S. (2019). Petrazhitzky as a sociologist of law. In: *Sociological studies*, 3, 118–128 (in Russ.).
9. Timashev, N. S. (2010). Preface [to the book Petrazhitzky L. Law and Morality. Cambridge, 1955]. In: Petrazhitzky L. I. *Theory and politics of law*. St. Petersburg: Yuridicheskaya kniga Publ., pp. 908–926 (in Russ.).
10. Timoshina, E. V. (2013). Law as a “fiction” and as a “fact”: on nominalism and realism in the theory of law. In: *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 4, 48–75 (in Russ.).

11. Timoshina, E. V. (2019). Sociology as a "strict science": an unfinished project by L. I. Petrazhitsky. In: *Sociological Research*, 12, 115–125 (in Russ.).
12. Timoshina, E. V. (2013). *Theory and sociology of law by L. I. Petrazhitsky in the context of classical and postclassical legal understanding* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
13. Trubetskoy, E. N. (2001). *Proceedings on the philosophy of law*. St. Petersburg: RKHGI Publ. (in Russ.).
14. Cotterrell, R. (2015). Leon Petrazycki and contemporary socio-legal studies. In: *International Journal of Law in Context*, 11, 1, 1–16.
15. Polyakov, A. V. & Antonov, M. (2012). Leon Petrazycki's Legal Theory and Contemporary Problems of Law. In: Melkevik B., ed. *Standing Tall. Hommage a Csaba Varga*. Budapest: Pazmany Press, 371–381.